

ТАТТА РИЗЗИ

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ПРОКЛЯТЫЙ ЛЮД

Татта Риззи

Проклятый люд

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Риззи Т.

Проклятый люд / Т. Риззи — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Ночь, дающая жизнь, ночь, несущая смерть целому поселению, ночь...
Время, когда темные силы правят миром и умами людей. Лишь жертва
новоиспеченной матери, забитой камнями по навету, да священный гнев
мужа открывают жителям застланные колдовством глаза. Ведьма же, умирая,
проклинает всех. И не будет им ни рая, ни ада, пока не соберут они кровавую
жатву в сто душ. И эта история об одной из них... Содержит нецензурную
брань.

© Риззи Т., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Иногда нам снятся странные сны. Люди, которых мы раньше не встречали. Места, где мы никогда не были. События, о которых даже не слышали. Эти сны могут заставить нас смеяться, плакать, а порой даже кричать...

Она не была частью своего сна, но видела все, как наяву. Видела женщину, которую выволакивали на улицу за волосы. Видела, как та споткнулась на крыльце, как ее тащили по грязной земле. Она слышала, как женщина кричала. Как она молила своих убийц:

– Прошу! Умоляю! Это не я! Умоляю!

– Молчи, ведьма! — зарычала на нее одна из мучительниц и, притянув голову своей жертвы ближе, держа за растрепанную косу, плюнула прямо в лицо.

– Я – не ведьма! Умоляю! Это не я.

Сильная пощечина прилетела ей от другой обозленной бабы, а за ними и новый поток обвинений:

– Это ты черту зубы заговаривать будешь, не нам!

Из дома послышался детский плач. Женщина повернулась, манящая детским криком, а затем с испугом посмотрела на баб:

– Прошу... мой сын...

– Его никто не тронет, — ответила ей первая и вновь поволокла вперед. — Но он никогда не узнает, что за тварь его родила!

– Серафима, — позвал один из мужиков, что наблюдали, столпившись возле амбара, — а мож, не она это?

– А кто? — заревела баба и со злостью дернула за косу, так что жертва взвизгнула от боли.

– Так, — мужик замялся, он явно побаивался тучной, грозной бабы, но этот страх все же не мог заглушить его жалость, — никто же не видел, что это она.

Серафима выпустила косу из руки, женщина поднялась и хотела было побежать к дому, чтобы успокоить свое дитя, но вторая баба преградила ей путь, выставив вперед вилы.

– Все слышали, — Серафима говорила громко и четко, окидывая взглядом каждого, до кого могла дотянуться своим грозным взором, — как она выкрикивала всю ночь дьявольские проклятья!

– Так, — вмешался мужик, но поймав на себе злобный взгляд Серафимы, понизил голос, — так она же иноверка, поди своим богам и молилась.

– А коли не молилась, — сказал седовласый дед в дранных лаптях и распахнутом штопанном кафтане, что сидел на бревне, облокотившись на самодельную трость, — так все бабы во время родов мужиков своих покрывают, на чем свет стоит! Ты ж сама Сеньку убить грозила, да причину твоих мучений оторвать и в рот ему засунуть, чтоб тот подавился. Пусть земля ему будет пухом, — с этими словами дед перекрестился, а по толпе прокатились одобрительные смешки.

Но Серафиму его слова ничуть не успокоили, даже напротив, заставили пыхтеть от злобы пуще прежнего:

– Только после наших криков, зерно не гниет сразу во всех амбарах, а скот не пробирает неведомая хворь!

Все притихли, возразить им на это явно было нечего.

– Что ты, Дунай, — она указала на первого мужчину, который дерзнул выразить свое мнение, — и твои дети будете есть в эту зиму? Жалостью твоей сыты будете?

– А что нам даст ее смерть? Авось, зерно не вернет, — потупив взор в пол, промямлил себе под нос Дунай.

– Зерно не вернет, а вот скот, — Серафима повернулась к своей жертве и скривила лицо в противной ухмылке, — скот избавить от хворы, авось, и выйдет.

– Не простит нас, Иван, когда воротиться, — покачал головой старик.

В калитке показалась молодая женщина в расшитом пестрыми цветами красном сарафане, ее черная коса лежала на плече и ниспадала почти до самого пола. Женщина была настолько красива, что мужчины не могли сдержать улыбок при виде нее, за что парочка из мечтательных зевак заработала оплеухи от недовольных жен.

— Он поймет. Она обрекла на голод не только нас, но и Ивана, и своего сына. Зима будет суровой, — женщина развела руками и сделала глубокий вдох, — Али вы сами не знаете? — она резко обернулась и указала на рябину, чьи ветки клонились к земле под весом богатых гроздей красных ягод.

— Не первая голодная зима в наших краях, — вмешался еще один мужчина, что стоял позади всей собравшейся толпы. Он явно был не из бедных, на ногах вместо лаптей сапоги, да и зипун явно был новым, да еще и на пуговицах! — Переживем.

— Переживем? Кого же есть будем, Ярослав? — красавица зловеще усмехнулась. — Собак?

— Покуда ружья...

— Или друг друга? — она не дала ему договорить, да и теперь никто из толпы уже и не желал слушать его речей. Красавица нашла нужные слова, которые смогли-таки проникнуть в самую душу каждого из тех, кто их услышал. Страх сковал их сердца, ослепил глаза и заложил уши. Больше не было среди них людей, теперь на бедную мать скалились звери.

Они выволокли свою жертву за забор, швырнули ее прямо в лужу. Она хотела повернуться, чтобы вновь взмолиться, просить о жизни, о прощении за то, чего даже не делала, за их глупость, их ошибку... Но первый камень аккуратно пришелся ей прямо в висок. В глазах потемнело. Она только и успела закрыть голову руками, как на них посыпался град камней. Кровь проступала сквозь посиневшую кожу. Кто-то взял палку и ударил ее по спине. Ее крик обрывался с каждым новым ударом, пока их не стало столько, что она едва успела хватать ртом воздух перед тем, как принять новые побои.

Кровь окончательно свела зверей с ума. Они не стеснялись своих улыбок, не стеснялись наслаждения, что получали, причиняя ей боль. Каждый из них был опьянен силой, своей властью над чужой жизнью. И каждый верил, что убивает ее ради блага всей деревни...

— Акджан! — неожиданный крик вмиг привел их в чувства.

Мужчина бежал сломя голову, он побросал все, что могло бы его замедлить: ружье, связанных за ноги дохлых уток, котомку. Он упал пред ней на колени, поднял из грязи, страх и боль сковали его по рукам и ногам.

— Акджан!

Она с трудом открыла заплывшие веки. Ее глаза уже плохо различали черты его лица, но голос... этот голос был ей знаком. Она протянула дрожащую руку к его лицу, он подхватил ее, но, увидев, что прикосновение причиняет ей боль, разжал пальцы и постарался придержать ее как можно мягче.

— Акджан, — ее имя стало воплощением его боли. Слезы покатались по мужским щекам, окропив еле вздымающуюся грудь умирающей жены.

— Егор, — прошептала она. — Назови его Егоркой.

Жизнь покинула ее тело слишком быстро. Он даже не успел ничего ей ответить. Он ничего не успел...

Мужчина прижал ее к своей груди, сотрясаясь от жуткой боли, что разрывала его изнутри. Он кричал. Он кричал во все горло с такой силой, что птицы, не выдержав его крика покинули голые ветки березы и устремились прочь.

— Иван, — позвал его один из мужчин.

Иван поднял голову и продолжая покачиваться взад-вперед задал один единственный вопрос, ответ на который уже ничего бы не смог исправить, но не спросить, он просто не мог:

— За что?

— Она была ведьмой! — ответила Серафима и поспешила выискать одобрение в испуганных глазах односельчан. — Она прокляла нас, хотела голодом изморить.

Иван закрыл глаза и запрокинул голову, он все еще продолжал убаюкивать и без того навек успокоившееся тело своей возлюбленной жены.

— За что? — повторил он шепотом. — За что? — разразился дикими криком. — За что? — залился неистовым плачем. — За что? — взмолился небесам. — Акджан, — и полностью растворился в своем горе, своей ненависти.

Он поднял ее с земли и понес в сторону дома. Толпа молча шла за ним, каждый из них искал себе оправданий, каждый пытался обмануть саму правду, каждый не желал признавать своей вины.

Иван уложил бездыханное тело Акджан на крыльцо. Детский плач донесся до его ушей. Губы и подбородок мужчины дрогнули, но вместо слез он оскалился. Вместо крика, он зарычал. Вместо боли он выбрал злость.

Он повернулся к толпе убийц. Теперь его очередь быть слепым и глухим к чужим мольбам. Пришел его черед стать зверем. Он выдернул топор из полена. Толпа отшатнулась:

— Иван, ты это брось, — с опаской косясь на топор завопил Дунай.

— Не надо, Ваня, — взмолилась одна из женщин. — Она нас всех прокляла.

— Вы, — с ненавистью бросил ей Иван и обвел топором головы каждого из них, — вы сами себя проклинали.

Он кинулся на них как разъяренный зверь. Первый удар пришелся прямо в ухо Дунаю, он даже не успел увернуться. Толпа заметалась в испуге, спотыкаясь друг о друга и толкаясь. Он заносил топор и каждый удар окрашивал его кровью. Женщины кричали, мужчины пытались сопротивляться, но Иван был силен. Он разрубал кости, рука его была тверда и уверена. И кажется, каждый из них это знал. Они знали о его силе, знали о мощи его богатырских плечей, но они убили ее... а теперь умирали и сами...

Умирали страшной смертью с бесполезной мольбой на устах.

Двоим мужчинам удалось обхватить его под руки, третий повис на поясе.

— Пустите, ироды! — закричал Иван.

— Остановись, Ваня! Остановись ради Бога!

— Вы остановились? Вы!

Он замер, увидев лицо деревенской красавицы. В глазах ее, как и у всех стоял страх, но вот... рот ее искажался. То грусть, то смех. Картины сменяли друг друга, как наваждение.

Иван стряхнул головой, но лик дьявола не исчез. То грусть, то смех... То плач, то хохот.

Он понял все. Сомнений не было.

Резко он выдернул руку с топором из хватки рослого мужика. Замахнулся и бросил его прямо в ведьму. Топор вошел ей в плечо. Ведьма закричала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.